

Гуманизация и гуманитаризация высшего образования

А.С. Кравец, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой систематической философии Воронежского государственного университета.

Термины “гуманистический” и “гуманитарный” весьма близки по своему смыслу в обыденном употреблении, и, тем не менее, их все чаще начинают различать в дискуссиях о гуманитаризации образования. И в этом различии есть свое рациональное зерно.

Гуманизм (от лат. *humanus* – человеческий) – “исторически изменяющаяся система воззрений: признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой между людьми; в узком смысле – культурное движение эпохи Возрождения” [1].

Таким образом, уже само слово “гуманизм” имеет два значения: широкое и узкое. Широкое значение обозначает систему ценностей, возвышающих человеческую личность, ставящую в основу любого проекта или действия благо и счастье человека, его неотъемлемые и естественные права на достойную жизнь. Узкое значение характеризует культурное движение эпохи Возрождения (XIV – XVI вв.) в Европе (особенно в Италии и Германии). Именно в рамках этого движения и появляется сам термин “гуманизм”, первоначально понимавшийся его представителями как определенный вид интеллектуальных занятий филологического плана, т.е. как изучение риторики, грамматики, поэзии, этики, философии. Напомним, что термин “филология” изначально переводился с греческого как “любовь к слову”. В центре внимания гуманистов эпохи Возрождения стояло “слово”, мудрое слово, которое они искали прежде всего в античных текстах, а целью их занятий являлось возвышение человеческой личности через познание античной мудрости.

Слово “гуманитарный” впоследствии закрепляется за комплексом наук (гуманитарные науки), имеющих своим предметом те

или иные проявления человеческой духовности, т.е. за филологией, этикой, философией, историей, эстетикой, юриспруденцией и т.д. Соответственно представителей этих наук стали называть гуманитариями в отличие от гуманистов, т.е. тех людей (безразлично к роду их занятий), которые руководствуются в своей деятельности гуманистическими идеалами.

Принципиальное различие между гуманитарными и естественными науками с особой силой было подчеркнуто баденской школой неокантианцев (особенно Г. Риккертом), считавших, что естествоиспытатели познают объективные предметы и их целью является описание общего, типичного, универсального (т.е. поиск законов природы), а гуманитарные науки изучают проявление человеческого духа, субъективность и уникальность человеческой жизни. Г. Риккерт указывал, что в гуманитарных исследованиях на первое место выходят ценности человеческой жизни (значимые исторические события, жизнь великих деятелей, гениальные литературные произведения и т. п.). Это противопоставление гуманитарных и естественных наук было поддержано также представителями феноменологической герменевтики, которые указывали, что в естествознании стремятся к объяснению событий (природы), а в гуманитарной сфере возможно лишь понимание феноменов человеческой жизни.

Историческая традиция трактует, таким образом, термин “гуманистический” как характеристику системы ценностей, возвышающей человека, т.е. о гуманизме, гуманизме, гуманистическом можно говорить лишь тогда, когда имеется в виду деятельность, учения, социальный институт, поступки, возвышающие человека, способствующие его благу, счастью, свободе, справедливости. Соответственно, термин “гуманитарный” соотносится с определенными профессиональными занятиями, направленными на понимание и истолкование поведения человека, его духовной жизни, мира человеческой культуры. Все эти заня-

тия объединяются термином “гуманитарные науки”.

Вместе с тем общее корневое слово (Ното), лежащее в основе указанных терминов, говорит о смыслообразующем их единстве. Если обратимся к исходной традиции трактовки гуманитарных наук, восходящей к великим гуманистам Возрождения, то увидим, что под гуманитарными занятиями они имели в виду не просто изучение поэзии, риторики, античной философии (эта интенция всегда существовала в истории), а нечто более высокое – познание мудрости через слово, возвышающее человека. Другими словами, гуманитарные науки лишь тогда отвечают своей изначальной функции, когда открывают в человеке личность, ее неповторимость и уникальность, ее высшую самоценность, когда они служат гуманистическим идеалам.

Теперь спроецируем наши термины на задачи образовательного процесса. Гуманизация образования будет означать создание такой образовательной социальной системы, которая отвечает гуманистическим ценностям и идеалам. Гуманитаризация образования будет тогда означать наполнение или дополнение образовательной программы гуманитарным содержанием, т.е. предполагает включение в учебный процесс цикла гуманитарных дисциплин.

Мы видим, что концепты “гуманизация образования” и “гуманитаризация образования” характеризуют различные векторы в реформировании высшей школы. Если “гуманизация образования” в широком смысле означает создание в обществе гуманной системы образования, соответствующей гуманистическим идеалам (прежде всего личностной свободе, социальной справедливости и человеческому достоинству), то “гуманитаризацию образования” связывают с учебно-методическим содержанием преподавания в вузе. Следует, конечно, иметь в виду, что гуманитаризация отнюдь не сводится только лишь к задаче расширения информационного содержания гуманитарных дисциплин по сравнению с профессиональным блоком, но в принципе должна отвечать более высоким целям: приобщению молодых людей к гуманистическим ценностям. В дискуссиях, посвященных реформам высшего образования, можно обозначить, таким образом, два про-

блемных поля, две реально существующие задачи.

Первую задачу, наиболее трудную в плане практического воплощения, можно квалифицировать как социальное конструирование системы образования, отвечающей гуманистическим нормам и идеалам. Практически это означает, что государство должно гарантировать своим гражданам реализацию гуманистических прав и свобод в получении образования и достойный образ жизни на основе полученной профессии.

Вторая задача связана с приобщением личности к богатству гуманитарной культуры в рамках учебного процесса и внеучебных форм студенческой активности. Она направлена на преодоление одномерности личности, ее частичности (партикулярности), задаваемой профессиональной специализацией.

Как в теоретической трактовке, так и особенно в плане практического решения указанных задач существуют значительные разногласия. Рассматривая проблемы гуманизации и гуманитаризации образования, необходимо признать их имманентно идеологический характер, что далеко не всегда учитывается в многочисленных дискуссиях.

Что это означает? Прежде всего следует учитывать, что за самими понятиями “гуманизм”, “гуманный”, “гуманистический” всегда стоит определенная система ценностей. Действительно, как понимать гуманистические идеалы: добро, счастье, справедливость, свободу, достоинство человека, благо, возвышение человеческой личности? По этим вопросам исписаны горы литературы от античности до наших дней. Следует также отдавать себе отчет в том, что идеалы – это отнюдь не объективная реальность, которую можно беспристрастно анализировать, как мы анализируем в науке атом, космос, живую клетку или человеческий организм. Идеалы выражают человеческую устремленность к совершенству, которому нет предела, за ними всегда стоят человеческие мотивы и интересы. Человеческий идеал выражает образ желаемого будущего, окрашенный в ценностные тона.

Достаточно обратиться к истории философской мысли, чтобы увидеть, что за общественными идеалами всегда стояли определенные общественные группы, их

предпочтения и осуждения образа человеческой жизни, социального устройства, той или иной системы социальных ценностей. Начиная с античного противостояния гедонизма и стоицизма и заканчивая современными версиями либерализма и патернализма, мы постоянно сталкиваемся с оппозициями идеалов общественной жизни.

Гуманизм – это определенное мировоззрение, которое не только исторически эволюционирует, но и в настоящее время (т.е. в синхронном аспекте) по-разному понимается различными общественными группами и тем более неодинаково оценивается в различных типах культур (например, в европейской и восточной). Вообще говоря, за гуманизмом исторически тянется шлейф западно-европейской культуры и в гуманистических идеалах доминируют ценности западной цивилизации. Для России, которая мучительно ищет свою идентичность в культурном пространстве от Востока до Запада, споры о гуманизме в системе образования приобретают особую остроту.

Если нет единства в исходных базовых концептах рассматриваемой проблемы, то еще больше расхождений наблюдается в практической реализации гуманистических и гуманитарных проектов высшего образования.

Большинство практических проблем, которые здесь возникают, касаются взаимоотношений между интересами личности и общества, между правами подрастающего поколения на образование и реальными возможностями государства, к этому же аспекту относятся и гарантии выпускникам вуза на получение достойной работы в соответствии с полученным образованием, и ответственность вуза за качество подготовки молодых специалистов, и внутривузовская регламентация отношений «студент-преподаватель», «студент-администрация». К гуманистическим аспектам системы образования мы относим и создание творческой атмосферы в обучении специалиста, и обеспечение возможностей общекультурного развития студентов, материальные аспекты студенческой жизни, организацию досуга студентов. Ориентация на гуманистические идеалы предполагает приоритетность интересов личности перед государством, студента перед администрацией. Другими словами, если мы действительно желаем реализовать идеалы гуманизма в сис-

теме высшего образования, то мы должны исходить из приоритета личности перед любыми надличностными институтами. Но легче провозгласить этот лозунг, чем осуществить его на деле.

Возьмем, к примеру, пресловутую проблему “набора” студентов. Еще в недавние времена здесь четко осуществлялся принцип приоритетности государственных интересов в количестве и качестве подготавливаемых специалистов. Другими словами, государство утверждало номенклатуру специальностей, количество вузов, осуществляющих обучение по этим специальностям, их региональную потребность и, конечно же, плановый набор контингента абитуриентов. Сегодня в рамках действующей Конституции (и это коррелируется с гуманистическими принципами) провозглашается право каждого гражданина на свободный выбор желаемой им формы, уровня образования, профиля получаемой специальности. Но подкрепить это право экономическими гарантиями государство пока не может. По-прежнему при открытии новых специальностей от вуза требуют экономического обоснования, региональной поддержки, гарантий занятости будущих специалистов.

И в этом есть свой резон. В регионах может накапливаться дефицит каких-либо профессий и, наоборот, увеличиваться перепроизводство специалистов, не востребованных на рынке занятости. Уже сейчас в нашей области самая большая очередь на трудоустройство наблюдается со стороны дипломированных экономистов. Вполне вероятно, что в ближайшие годы в нашей области (а возможно, и в стране в целом) образуется такая же большая очередь из невостребованных юристов. С другой стороны, падает общественный престиж технических и естественнонаучных специальностей. Однако если Россия восстановит свои промышленные ресурсы и промышленное производство, страна может испытать острый дефицит инженерных кадров.

Часто провозглашаемая идея, согласно которой рынок все отрегулирует, на самом деле не внушает радостного оптимизма. Рынок выступает естественным регулятором общественных интересов и личностных устремлений в стабильном и экономически развитом обществе. В стране, где пока господствует нецивилизованный рынок, отношения спроса и предложения на рынке об-

разовательных услуг носят деформированный характер. И здесь часто возникает острое социальное противоречие между провозглашаемыми гуманистическими правами на свободу выбора и реальной экономической гарантированностью этих прав обществом. Молодой человек, получивший высшее образование по профессии, социально невостребованный обществом, быстро теряет уверенность в жизни, становится ущемленным его человеческое достоинство.

Суровая правда жизни убеждает нас в том, что гуманизм является роскошью высокообразованного экономически и живущего по демократическим принципам государства. Гуманистический проект высшего образования может быть, по-видимому, реализован в гуманистическом обществе, где интересы государства и личности гармонически сбалансированы. В реальности всегда существует неизбежный разрыв между гуманистическими идеалами и их практическим воплощением в жизни. Впрочем, такова тяжкая участь всех идеалов.

Вряд ли кто-нибудь будет возражать против возвышения человеческого достоинства, приумножения благ, свободы личности и т.п. Но ведь все понимают эти ценности по своему, под своим углом зрения. При желании и в доперестроечном лозунге из недавнего прошлого “все во имя человека, все для блага человека” можно увидеть желанный гуманистический идеал. Но что может быть абсурднее сочетания коммунистической идеологии и гуманистического идеала? Первая исходит из приоритета государственных интересов, коллективистской психологии, социальной уравнительности, плановой разнорядки, запрета на инакомыслие. Гуманистический идеал превыше всего ставит личность, достоинство конкретного человека, свободу его убеждений. Гуманизм, взращенный на европейской почве, в настоящее время все больше связывается с ценностями либеральной демократии. Другое дело, является ли она идеальной?

С нашей точки зрения, идеал вообще не достижим в жизни. Как только мы начинаем практически воплощать идеал в жизни, немедленно наступает разочарование. Нам следует уяснить роковую обреченность идеала, которая заключается в принципиальном разрыве между мечтой и реально-

стью. Идеал, как он задумывается его апологетами, в принципе не может быть осуществлен. “Почему?” – воскликнет раздосадованный читатель. Да потому, что общественный идеал – это не просто стол, стул, здание или другая вещественная конструкция. В общественном идеале выражен “совершенный” с чьей-то точки зрения образ желаемого будущего (политического устройства, экономической системы, семьи, образования и т.п.). В этом романтическом «совершенстве» и скрыты все зловключения идеала. Общество не состоит из однородных субъектов (наподобие винтиков одного стандарта), в нем всегда есть богатые и бедные, свободные и притесняемые, властвующие и униженные, миротворцы и экстремисты, созидатели и разрушители, политики и бюрократы, индивидуалисты и коллективисты, творцы и подражатели.

Поэтому любой идеал при его воплощении в жизнь обнаруживает трагическое противостояние идеализированной мысли и упрямо сопротивляющейся реальности, раздираемой объективными противоречиями. Сталкиваясь с этой реальностью, общественный идеал неожиданно для самих его творцов вдруг обнаруживает массу непредвидимых ими отрицательных моментов, навязываемых их проекту грешной землей в качестве дани за свое воплощение. Идеал, как линия горизонта, постоянно отдалается от нас, подобно тому как она отодвигается от наблюдателя при его восхождении на гору. Перефразируя Канта, можно сказать, что идеал, превращаясь из “вещи в уме” в “вещь для нас”, обнаруживает свою неидеальность, взывая к новому совершенству. Собственно в этом движении от человеческих идеалов к их претворению в действительности и от нее вновь к идеалам и обнаруживается неумолимая поступь Прогресса.

В практическом претворении идеалов всегда противостоят друг другу романтики и прагматики. Романтики безмерно верят в осуществимость своего идеала и придерживаются принципа «все – или ничего». С их точки зрения, идеал либо должен быть воплощен в полном объеме, либо от него вообще следует отказаться. А поскольку действительность упрямо навязывает идеалу по мере его претворения свои ограничения и нежелательные последствия, то романтики всегда терпят крах.

Прагматики призывают считаться с суровой действительностью и чаще всего действуют по принципу “Из двух зол - наименьшее” или, как однажды выразился Г. Спенсер, “Творить максимальное добро для максимально возможной части граждан”.

Переводя проблему гуманизации в практическое русло, мы постоянно сталкиваемся с противоречиями между устремлениями личности и интересами государства, между правом на свободный выбор профессии и предложением занятости на рынке труда, между доступностью образования и экономическими возможностями государства в поддержке высшей школы. Поэтому на практике всегда приходится искать компромисс между идеалом и условиями его реального воплощения.

Рассмотрим теперь проблему гуманизации высшего образования. Гуманизация предполагает прежде всего приобщение молодого человека к гуманитарной культуре человечества. Другими словами, гуманитаризация обычно рассматривается как дополнительный и необходимый компонент профессионального образования. Гуманизация образования преследует две основные и взаимосвязанные цели: во-первых, с ее помощью стремятся преодолеть “частичность” человека (молодого специалиста), его одномерность, задаваемую профессиональной подготовкой; во-вторых, с помощью гуманитаризации стремятся заложить у молодого специалиста основы гуманистического мировоззрения. Другими словами, гуманитаризация рассматривается как способ приобщения молодого человека к духовным ценностям цивилизованного мира, как его окультуривание в широком смысле слова, отнюдь не сводимом к узкой профессионализации.

Хотя необходимость гуманитаризации сейчас никем не оспаривается, острые столкновения наблюдаются как раз в вопросе гармонизации гуманитаризации и профессионализации, в их сбалансированном соотношении в рамках учебного процесса. Здесь весьма непродуктивной является постановка вопроса: “Что важнее для студента: гуманитаризация или профессионализация?”

Без качественной профессионализации не может быть сформирован специалист, профессионал в своем деле, и, стало быть, обучение в вузе вообще теряет свой зна-

чальный смысл. Этот тезис даже не нуждается в своем обосновании. Однако без гуманитаризации не может быть сформирована полноценная личность.

Профессия помогает человеку функционально включиться в социум, в разветвленную систему общественной деятельности со стороны его навыков и умений. Однако помимо этой функциональной адаптации к социуму через профессию человек должен еще вписаться в пространство культуры, освоить ее смыслы и ценности. В этом освоении или, вернее, при-своении смыслов и ценностей гуманитарной культуры формируется духовность человека, его мировоззрение, понимание им своего места и роли в обществе. Вне этой духовности мы имеем ущемленного человека, функционера в заданной системе общественного разделения труда, “ученого винтика” в гигантской машине, называемой Государством.

Личность – это всегда индивидуальность, формирующаяся в культуре и на основе культуры. Она наследница и одновременно творец культуры. Вне культуры существуют лишь изгои, маргиналы и технические наемники. Профессия обретает человеческий смысл для личности лишь тогда, когда за ней обнаруживается нечто более высокое и самоценное, а именно - обретение своей индивидуальности в многогранном и противоречивом мире культуры, своего неповторимого “человеческого лица”.

И это человеческое лицо отнюдь не является какой-то внешней физиогномикой, автоматически формируемой стереотипами массового сознания. Массовое сознание может сформировать лишь «человека – массу», «среднего человека», лишённого внутренних духовных опор. Человеческое в человеке – это его имманентная духовность, внутреннее мироощущение, выработанное и выстраданное на почве присвоенной культуры. Гуманизм в образовании по большому счету и должен способствовать самовыражению личности в мире культуры, ее свободному самоопределению.

Свободное самоопределение предполагает осознанный выбор между добром и злом, общественным благом и эгоистическими устремлениями, достоинством и раболепием, насилием и терпимостью, созиданием и разрушением, смыслом и бессмыслицей. Помочь в этом сознательном

выборе будущему молодому специалисту и должна продуманная гуманитаризация образования. Гуманитаризация оказывается, таким образом, органически связанной с гуманизацией. Гуманитаризация должна открывать перед молодым человеком высшие смыслы культуры, вводить его в пространство мировой культуры.

Как только заходит речь о соотношении объемов гуманитарного и профессионального блоков в учебной программе, мы тут же сталкиваемся с проявлением корпоративных интересов гуманитариев и профессионалов. Профессионалы, указывая на обвалный рост современной научной информации, стремятся ужать гуманитарный блок до минимальных размеров, а гуманитарии, в свою очередь, ссылаясь на неисчерпаемое богатство гуманитарной культуры, требуют введения все новых курсов и спецкурсов. Спорить здесь можно очень долго, по-видимому, куда более конструктивной является позиция разумного компромисса. Современные стандарты высшего образования определяют размер гуманитарного блока примерно в четверть от общего почасового объема всей учебной нагрузки в вузе. И, по-видимому, этого вполне достаточно, если эффективно использовать предоставленную возможность. Действительно серьезный вопрос состоит в том, насколько эффективно используются ресурсы гуманитарного блока в гуманитарном образовании.

Как только мы переводим проблему гуманитарного образования в практическое русло, здесь сразу возникает два важных вопроса. Во-первых, что следует преподавать студентам, т.е. как должна выглядеть дисциплинарная матрица гуманитарного блока и, во-вторых, как следует преподавать гуманитарные дисциплины.

Решая первый вопрос, мы неизбежно вступаем в корпоративные противоречия между представителями гуманитарных наук. Однозначного решения здесь не существует. Неслучайно, что министерство образования рекомендует решать этот вопрос с учетом возможностей и потребностей вуза. Формирование гуманитарной матрицы должно строиться также на разумном компромиссе, где мнения противостоящих сторон должны быть услышаны и учтены при формировании учебного плана. С нашей точки зрения, основу гуманитарной дисциплинарной матрицы должны составить на-

ки (и, возможно, искусства), в центре которых стоит человек, его мир культуры, гуманистические идеи и идеалы, концепции социального, политического, правового устройства человеческой жизни, которые получили всемирную известность.

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что существует тенденция наполнения гуманитарного блока дисциплинами, которые, по существу, продолжают линию углубления профессионализации. Другими словами, сторонники профессионализации пытаются зачастую решить свои проблемы за счет гуманитарного блока.

Возьмем, например, проблему изучения иностранных языков. Ясно, что современные требования к профессионалу высокой квалификации предусматривают свободное владение иностранным языком, а в подготовке специалистов-гуманитариев требуется еще и знание древних языков. Поэтому объемы изучения иностранных языков в вузе возрастают, и в этом нет ничего плохого. Но почему это изучение иностранных языков попадает в гуманитарный блок? Разве только по той простой причине, что иностранные языки по номенклатуре относятся к гуманитарной сфере знаний. Но ведь задача гуманитаризации предполагает прежде всего изучение общекультурных дисциплин, формирующих личностные, а не профессиональные качества студента.

Не знать иностранные языки, безусловно, плохо. Но, во-первых, задача обучения иностранному языку ставится перед средней школой, и вузы часто просто исправляют за счет гуманитарного блока дефекты довузовского образования. Во-вторых, если уж и требуется углубленная подготовка по иностранному языку будущему специалисту, то делать это следует не за счет гуманитарного блока, иначе мы будем только отдалять от целей гуманитаризации образования.

Сходные интенции сопровождают появившуюся идею наполнить гуманитарные блоки изучением русского языка. Безусловно, человек с высшим образованием должен хорошо владеть родным языком. Однако и в этом случае мы пытаемся за счет гуманитарного блока исправить дефект школьного образования, забывая об изначальной задаче гуманитаризации. В некоторых вузах в гуманитарный блок стараются вставить курсы по маркетингу, макроэкономике, на-

логовому законодательству и т.п., обосновывая их необходимостью углубления специализации. Все это примеры того, когда профессионализация берет верх над гуманитаризацией.

Много вопросов возникает с преподаванием истории. За последние годы программа этого курса в вузе постоянно перекраивалась. Конечно, история всегда составляла основу гуманитарного образования. Знание истории своей страны считается обязательным для подлинного гражданина. Но ведь история (и отечественная, и всемирная) довольно обстоятельно изучается в средней школе. Не повторять же ее снова в вузе! С нашей точки зрения, разработчики программы по истории в рамках гуманитарного блока, должны, с одной стороны, найти такой ракурс исторической дисциплины, чтобы она вышла за пределы школьной программы, а с другой стороны, эта дисциплина должна быть нацелена на задачу раскрытия гуманистической перспективы в историческом развитии человечества. Например, исторические курсы в вузе могли бы быть посвящены истории развития демократий, движений за фундаментальные права и свободы человека, взаимовлиянию культур и цивилизаций, современной отечественной истории и т.п.

Если бы нас спросили о нашем представлении гуманитарной матрицы, то в качестве ее ядра мы хотели бы видеть такие курсы как: философию, историю и теорию культуры, компаративистскую историю западной цивилизации и России, правоведение (фундаментальные права и свободы человека), историю свободомыслия и религии. Хотелось бы видеть в качестве спецкурсов, наряду с другими, такие как “Российская литература серебряного века”, “Нобелевские лауреаты по литературе”. А пока у нас распространена гуманитарная матрица, хранящая остаточные следы от недавнего прошлого, с которым Россия уже рассталась. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что вопрос о выборе дисциплин является во многом дискуссионным, и за его решением всегда будут стоять определенные корпоративные интересы.

Помимо дискуссионного вопроса о том, что включать в гуманитарный блок, т.е. что преподавать, существует не менее серьезный вопрос, как преподавать гуманитарные дисциплины. Последний вопрос может по-

казаться человеку со стороны даже наивным. Неужели преподавателей, имеющих соответствующие квалификационные дипломы, следует еще и поучать, как учить студентов? Однако достаточно вспомнить наше недавнее прошлое, чтобы понять, насколько принципиальным является вопрос о стиле и методах преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ведь еще недавно все преподавание гуманитарных наук проходило в ценностной аранжировке государственной идеологии, т.е. находилось под прессом коммунистической идеологии с ее жестко декларируемым правом на абсолютную истинность. Нам хотелось бы подчеркнуть, что не только так называемые социально-политические дисциплины находились под мощным влиянием этой идеологии, ее тотальное давление испытали буквально все гуманитарные науки: история с ее “классовым подходом” и “ролью народных масс”, литературоведение, ориентирующееся на “социалистический реализм” и “народность искусства”, религиоведение, исходившее из безапелляционного тезиса “религия – опиум для народа” и т.д.

Настало время перемен и мучительной переоценки ценностей. Но старая марксистская шинель, из которой мы все вышли, все еще давит на нас и стесняет наше движение. Если мы все согласны в том, что в основе гуманитаризации образования должна лежать гуманистическая система ценностей, то это обязывает нас принять совершенно новую парадигму преподавания гуманитарных дисциплин, о чем мы уже писали в одной из своих статей [2].

Новая парадигма преподавания гуманитарных дисциплин должна исходить из приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, партийными, конфессиональными, национальными и другими корпоративными интересами. К этому нас обязывает гуманистическая устремленность процесса гуманитаризации образования. На практике это означает, что учебный процесс должен быть максимально деидеологизирован и деполитизирован. Университетская кафедра не может быть использована для политических баталий и политической агитации.

Далее, мы должны четко уяснить, что в гуманитарной сфере не существует “единственно правильного” учения, и никто не

владеет абсолютной истиной. Поэтому преподаватель должен стремиться к тому, чтобы донести до студентов представление о многомерности и богатстве гуманитарных концепций, сформировать у них понимание многообразия человеческих культур, сложности и неоднозначности гуманистической перспективы человечества.

Новая парадигма преподавания гуманитарных дисциплин зиждется на трех основных принципах: *плюрализма, репрезентативности, дистанцирования*.

Плюрализм исходит из признания многообразия и многогранности мировой гуманитарной и общественно-политической мысли, многомерности существующих точек зрения. Он исключает догматизм и претензии какого-либо автора на абсолютность и окончательность достигнутой истины.

Принцип репрезентативности нацеливает нас на трансляцию в учебном процессе тех достижений мировой общественной мысли, которые получили уже общее признание, стали классикой в соответствующих направлениях гуманитарных исследований. Репрезентативность предполагает бережное отношение к классическим авторам и первоисточникам, к классическому тексту. Преподаватель должен излагать не свою собственную концепцию (на это он имеет право в научных публикациях) по обсуждаемому вопросу, а транслировать существующие в мировой мысли концепции и учения. Безусловно, такая трансляция не является простым пересказом этих концепций, а предполагает владение искусством интерпретации, вводящей студента в сложный мир гуманитарной культуры.

Наконец, принцип дистанцирования требует от преподавателя сбалансированного, объективированного, беспристрастного изложения изучаемых концепций. Он запрещает какую-либо политическую, национальную или классовую ангажированность лектору как ключевой фигуре учебного процесса. Нужно согласиться с мыслью М. Вебера о том, что профессор на университетской кафедре не должен брать на себя роль политика, вождя, пророка. Свои политические амбиции преподаватель, как и любой гражданин, может отстаивать в публичных местах, но не в стенах учебного заведения, где у профессора всегда существует преимущество перед студентами. Преподаватель – всего лишь посредник между

мировой общественной мыслью и подрастающим поколением. И в этом состоит его величайшая культурно-преподавательская роль и высокая моральная ответственность.

Литература

[1] Философский энциклопедический словарь. М., 1983 – с.130.

[2] Кравец А.С. Размышления о преподавании философии // Вестник ВГУ. Серия 1 (гуманитарные науки) – Воронеж, 1996, N1.

